

МЫСЛИ КО ВРЕМЕНИ

Всякие существуют ныне выражения человеческой значимости. Есть красные, желтые, зеленые, а то еще — центисты, популисты, лоббисты и т. д. И есть Виктор Астафьев. Какое многозначительное прилагательное ни приставляй к его имени, даже народного депутата СССР, он все равно изначально остается для нас писателем дара божьего Виктором Астафьевым. Общество начекается, как корабль на волнах, кто-то рвется к штурвалу, у кого-то глаза на лоб — он в истерике, кого-то тошнит. Астафьев — ни в сторону, ни в бок, как нитка с тяжелым отвисом — тагоетет к земле нашей многострадальной и грешной, по нему можно сверять, на сколько градусов, миллиметров мы от истины, человечности, добра отклонились. Великое постоянство.

В тот раз я «зазеленговал» Виктора Петровича в дни работы второго Съезда народных депутатов СССР в Кремле. Столновались, и пришел я к нему в номер гостиницы «Россия» «промышлять» статью для журнала «Родина», который до сих пор еще, увы, не вышел из печати. «Заходи, заходи!» — не при бабочке встретил, а в спортивном костюме и тапочках на босу ногу. Кто с ним когда-нибудь общался, подтвердит: Астафьев никогда не изображает из себя классика, не давит на собеседника, не забивает его

своей эрудицией. Наоборот, приближает к себе человека, разоряя его своей естественностью и простотой.

— Слушай, — сказал Виктор Петрович, — сегодня день у меня для сердца печальный. Надо бы помянуть усопшую душу...

Выпили по одной, по древнему родителскому обычаю помолчали — телефонный звонок в номер. То коллега, корреспондент «Труда» тоже свою удачу у Астафьева ищет. Писатель плюс журналист — интервью, два журналиста — это уже пресс-конференция. Включили мы свои диктофоны... А когда не сговариваясь, день в день и час в час свои материалы Виктору Петровичу на визу принесли, он от души рассмеялся: мысли мои, а по-разному получились...

— Думаю я, ребята, — это Астафьев нам с коллегой, — до главного мы никак не доберемся — до поддержки человека, который хорошо работает, гнет спину в колхозе или берет в аренду землю, сеет-сажает, собирает урожай, не спекулирует, и не ловчит и не кичится тем, что валает дурана и имеет за это полный кошелек денег.

Ну а чего особенного в этом суждении? — скажет читатель, и я, мол, тоже так думаю, и писалось об этом в газетах не раз. Правильно, и в мыслительной

своей работе Астафьев прост и понятен каждому. Его можно цитировать, излагать, оранжировать — мысль Астафьева, как ни старайся, не пригладишь и не изгратишь, поскольку всегда в ней есть нравственный стержень, обращенный к вечным ценностям земли и человеку труда. Умников сегодня тьма. Кто — под Сеняку, кто под Бердяева, а этот, смотришь, — новый Кропоткин. Зовут нас к свободе «абстрактной демократии». Ну хорошо, пойдём за ними, а если заблудимся: с кого спросить? В отличие от многих провидцев наших времен Виктор Петрович считает себя подсудным своему народу за каждое записанное или произнесенное вслух слово.

— Как всякий русский человек я надеюсь, — говорит Виктор Петрович, — что спасет Россию, может быть, чудо. Откуда его ждать — из Москвы, с окраин страны, с неба — не знаю. Адреса чуда и времени его явления народу назвать не могу. Но я на него надеюсь. Проснусь утром, а за окном — чудо! Страна воскресла! Народ улыбается, приветствуют люди друг дружку...

Так давайте послушаем, что говорит любезный и совестливый гражданин своей земли Астафьев.

Ю. МАКАРЦЕВ.

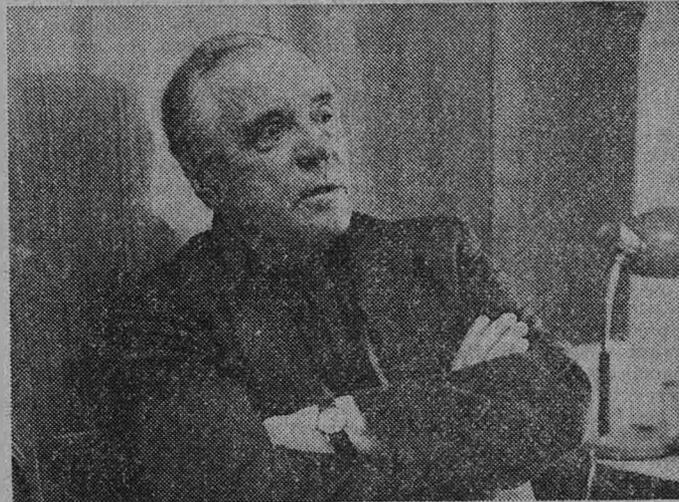
Страна в большом развале — в хозяйственном, политическом, нравственном. Скорых перемен ждать не приходится, и к этому надо готовить людей и себя самого. Народ нетерпелив. Перестройку начали — подавай скорее результаты. Народ ждет, чтобы кто-нибудь за него все сделал и на тарелочке преподнес.

...Пока ничего не меняется. Метода старая — задуговать и нажимать на людей: «Ты у меня положишь на стол партия!» Хотя, с другой стороны, кое-какие замены среди руководящих кадров произошли, совсем дураков уже почти нет. Что же мы хотим, если кадры воспитываются в отрыве от культуры. Пионер, комсомолец, инструктор в партийном органе — и пошел в гору. Глядишь — уже первый секретарь. А ведь со школьных лет ловчил, и родители его не пороли, книг не читал и не читает, жизни не знает. Вот бы нам поучиться у духовенства. Те смотрят, как ты умеи, образован, нравственен, как умеешь общаться с людьми, в зависимости от этого и продвигают по службе.

По Достоевскому, в русском народе есть потребность в страдании, везде и во всем. Настрадались мы, так нас измордовали — хватит, пора бы уже вклиниться в жизни радость и удовлетворение. Наблюдая за межнациональным разбродом, думаешь: счастье, что мы стоим ногами на земле, которая называется русской. Терпеливой земле. Но терпение кончается, вспомним хотя бы забастовки шахтеров. То

сигнал: русской земле тоже пора помогать...

Пролетарии отчуждены от продукта труда, который они создают, в их психологии — схватить, разрушить, растоптать. А в деревне еще сохранилось уважение к земле, к самому себе. Хотя жизнь в деревне ниже самого низкого уровня, встречаются и крепкие колхозы и совхозы, где дороги заасфальтированы, лошади прибраны — хомут не трет, а девки в нарядных курточках, не лают, не хамят. В магазинах таких хозяйств своим мясом торгуют по ценам ниже государственных. Хотя, конечно, деревня сильно деградировала. Предложим мы крестьянину землю, но ведь он не вернется к ней, пока не установятся новые хозяйственные отношения. Лопата рождает первобытное сознание и первобытное отноше-

ние к труду. Не рождает она любви к земле. Нашему крестьянину на подворье маленький бы тракторик, как в Европе. Я был в ФРГ, смотрел, как там работают на селе. В одном из хозяйств под Кельном персонал состоит всего из 10 человек. День трудятся на земле, а вечером каждый садится за руль собственной автомашины — и домой, в город.

Мы плевали на заграницу, твердили: вот, мол, мы передовые, а они отстают. Но там необрунная картошка не гнет на полях. Нет встречных и бесполовых перевозок грузов и сельхозпродукции. Вредные предприятия выносятся за городскую черту. Чистые улицы в городах. Люди раскованны и общительны...

Многие народные депутаты СССР бросили свою работу, сделали депутатство новой своей профессией. Я же оста-

юсь не освобожденным от работы писателем. Для меня прекратить работу равносильно смерти. Держись, говорю я себе, цепляйся за работу зубами, садись за стол, пиши, иначе и тебя тоже втянут в колесо словопреений. У меня есть друзья, кого это колесо затянуло, они уже к рабочему столу не вернутся, а если и вернутся, то с большими потерями для творческого процесса. Встаю я в пять утра, до восьми часов работаю, потом отвожу в детский садик внучку, сплю, потом снова работаю. Десять страниц написанного — значит день удался...

Вообще-то говорить о литературе я не имею морального права, я могу рассуждать о ней по праву работающего в ней человека. Литература — это продолжение или опережение жизни. В жизни «баракхолка» — примерно то же происходит и в литературном мире. Наш Союз писателей во многом состоит из людей ловких, но бездарных. Они хотят втянуть писателей в бессмысленную свару, сделать из них скандальную толпу. Так и происходит — и это беда талантливых людей. Народ ждет, что истерики, разброд в писательской среде прекратятся, но этого не происходит. Я не представляю, чтобы Бунин, Тургенев, Толстой были заняты подобной суетой. Вывали и у классиков личные разногласия, они ссорились, обижались друг на друга, но каждая такая история несет в себе черты высокой культуры взаимоотношений и является нравственным уроком для многих поколений литераторов.

Фото В. АРУТЮНОВА.